

Данила Чебоксаров

The best of

<https://litres.ru/73396963>

SelfPub; 2026

Аннотация

Встречайте мир, в котором сказки не заканчиваются свадьбой, а психотерапия опаснее болезни. Где принц — это слизьяк, а спасение приходит от того, от кого не ждёшь.

Этот сборник рассказов — антропология нашей повседневности. Его герои — те, кто целует слизьяков в надежде на чудо, платит штрафы за право ходить без лифчика и находит единственное утешение в осеннем море. Здесь смеются над тем, от чего следовало бы плакать, и говорят правду там, где положено молчать.

От беспощадных притч в духе площадного фольклора до леденящих психологических этюдов — каждая история бьёт точно в нерв. Автор не судит и не утешает. Он вскрывает язвы, срывает маски и смотрит в глаза нашим главным страхам: одиночеству, старости, абсурду и тому, что мы по привычке называем любовью.

Для тех, кто готов увидеть жизнь без ретуши и мишуры. 18+, обилие мата.

Содержание

Гесиод	4
Fuck ethics!	8
Ворона у моря	11
Новая сторона	13
Любава Преглупая	18
Жюстина и Жюль	31
Царевна-целочка	34
Жарко	36
Девочка и слизняк	39
Ушедшее	41
Пылающий закат	46
Конец Света	50
Уговор	55
Кринж	59
Big dick	67
Молодость	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Данила Чебоксаров

The best of

Гесиод

Он сидел на толстом поваленном дереве у кромки воды и задумчиво, неотрывно созерцал море. Древесина была отполирована солёной водой и солнцем и стала гладкой и блестящей. Воздух был насыщен запахом соли и водорослей. Густо-оранжевое солнце клонилось к закату, окрашивая могучие кучевые облака в какой-то фантастический, нереальный цвет. Крупные жирные чайки медленно кружились над тихой водой и противно, пронзительно каркали.

Подошла какая-то девушка и села на дерево рядом.

— Привет, — сказала она.

— Добрый вечер, — отозвался он, даже не взглянув на неё.

— Я Маша.

— Гесиод.

— Что Гесиод? — не поняла девушка.

— Так меня зовут — Гесиод, — пояснил юноша.

— А. Странное имя.

— Да. Родители так неудачно пошутили.

— А кто это такой? — спросила она.

— Поэт. Древнегреческий, — ответил он.

— И как живётся с таким именем?

— Не хуже, не лучше, чем с обычным.

— Ясно, — сказала девушка и почему-то вздохнула. —

Что делаешь?

— Созерцаю море, наслаждаюсь одиночеством, думаю, —
сказал юноша.

— И о чём думаешь, Гесиод?

— О жизни. О смерти. О себе в этом мире.

— Ясно, — сказала девушка. — А меня только что парень
бросил.

— Сожалею, — сказал юноша.

— Полтора года встречались, и вот на тебе. А я его лю-
била.

— А теперь уже не любишь?

— Не знаю даже. Мне кажется, что уже нет.

Они долго молчали.

— Потрахаться не хочешь? — спросила она наконец.

— С кем?

— Со Скарлетт Йохансон, — сказала она и прыснула со
смеху. — Со мной, с кем же ещё?

Гесиод в первый раз посмотрел на девушку, секунды три,
не больше.

— Только что рассталась с любимым и сразу же хочешь
отдаться первому встречному? — спросил он.

— Ага.

— Это странно.

— Ничего странного. Хочу отомстить.

— Странная какая-то месть, — заметил юноша.

— Какая есть. Получше не придумала, — ответила девушка. — Так что, потрахаемся?

— Что, прямо здесь?

— Почему бы и нет? Или можем в дюны пойти.

— Нет, — сказал юноша.

— Почему?

— Потому что я тебя знаю десять минут. И ты некрасивая.

— Фу какой! Нельзя девушкам такие вещи говорить!

— Я всегда говорю, что думаю. Уж извини.

— Прямо уж-таки и всегда?

— Всегда.

Девушка тяжело вздохнула.

— Зато у меня фигурка хорошая, — сказала она. — И передница очень маленькая, без вазелина и не влезешь.

— Тем более. У меня нет с собой вазелина.

— У меня есть, — помолчав, сказала она. — Ты, наверное, девственник? В этом всё дело?

— Я не девственник.

— Врёшь небось?

— Я никогда не вру, — сказал он.

Больше они не разговаривали. Когда солнце зашло, Маша пошла налево, в сторону посёлка, а Гесиод направо, к прибрежному отелю.

Похолодало.

1.09.2021

Fuck ethics!

Аристотель придумал этику. И вот нахуя?! Ему, гондону, там, в древней Элладе заняться было нечем? Мало того, что воспитал Шурку Македонского, который потом на весь мир замахнулся и закономерно сдох после укуса комарика в 32 года (карма не лохушка, её не наебёшь!), так ещё и этику заполучите, блять! Один мудень извращнулся, а всем остальным по сей день это говно расхлёбывай!

Так размышляла Глафира Сидорчук, стоя обнажённой у напольного зеркала в полный рост и бережно накладывая утренний макияж.

Ебалаю две тыщи с половиной лет тому назад делать было нехуй, а она теперь выйти из дому голой не может! Это справедливо вообще, ебит твою мать?! А ей нравится ходить нагишом, есть что показать и чем похвастаться! Глафира решилась на компромисс и в магазин отправилась в короткой просторной юбчонке на голое тело, оставив дерзко и упруго торчащие перси на свободе — благо, погода к тому располагала, жарница стояла адская. Однако до «Магнита» она не дошла — уже в конце дома её тормознул ментовский наряд. По дороге до ближайшей мусарни в полицейском джипе Глафира Сидорчук по всем пунктам, аргументированно, в пух и прах разнесла теорию Аристотеля, но всё тщетно — ей лишь добавили в штрафную квитанцию пункт за нецен-

зурную брань.

— Что дети подумают!.. — строго сказал ей напоследок маленький пухленький мусорок и укоризненно покачал аккуратно стриженной головой.

В камере, провонявшей хлоркой и какими-то неведомыми эманациями, Глафира продолжала бушевать.

— Да чтоб этого злобучего Аристотеля черти в аду на хую вертели! И в болото говна окунули!!! — орала она, стуча кулаком по шаткому железному столу. — И чтоб Платон, ёбаный его учитель, тоже там вместе с ним в этом говнище бултыхался!

Сокамерницы, баба Зина, попавшаяся на краже кабачков с соседского огорода, и татуированная девица маргинального вида с фингалом под глазом, задержанная за драку в пивнухе, воодушевились Глафиркиным бесстрашием и сермяжной ненавистью к морали:

— Да, права ты, девка! — проговорила бабка Зина. — Этот Арихтотель, видать, тоже кабачки у соседей пиздил, вот и придумал эту херь, чтоб другим неповадно было, а ему больше досталось!

Растатушенная девица, сплюнув на пол, прохрипела:

— Хуйня эта этика! Кто сильнее, тот и прав! Ницше рулит!

К вечеру они хором скандировали:

«На хуй Аристотеля! Свободу титькам! Ебать этику!»

В суде всё пошло по пизде. Адвокат, которого наняла

перепуганная мать Глафиры, пытался апеллировать к свободе самовыражения, к жаре, к презумпции невиновности. Но старый плешивый мудень-судья оказался непреклонен: штраф за мелкое хулиганство, за обычное хулиганство, за непристойный вид, за нецензурную брань, плюс штраф за неуважение к суду: в итоге нарисовалась нехуёвая сумма.

Выйдя из здания суда, Глафира смачно плюнула в пепельное питерское небо, безысходное, как судьба, и пошла по унылым улицам болотного города, лелея в себе костёр бунтарства и твёрдую веру в то, что справедливость всё-таки существует в этом худшем из возможных миров. А пока... пока нужно было искать работу, чтобы расплатиться с этими злобучими штрафами и с бездарным адвокатом. И придумать, как в следующий раз пронести по улице сиськи так, чтобы никто не доебался. Потому что сдаваться Глафира Сидорчук не собиралась — не на ту, блять, напали!

Ворона у моря

У самой кромки воды ходит потрёпанная, битая жизнью, но всё ещё полная собственного достоинства ворона. Она не ищет себе пропитания — она словно прогуливается, любуясь осенним пейзажем. Ворона отводит взгляд от бесконечной воды и смотрит на немолодую женщину. Женщина пьёт дрянное красное вино из пластмассового прозрачного стаканчика и не переставая курит тонкие ментоловые сигареты. Ей сорок шесть лет. На ней красный раздельный купальник. Складки жира на животе, толстые целлюлитные бёдра, дряблые обвисшие груди. Лицо, никогда не отличавшееся красотой, несёт на себе неизгладимый налёт приближающейся старости, и чрезмерный слой косметики уже не делает его хотя бы мало-мальски привлекательным. У женщины есть взрослый сын, который с ней практически не общается. Муж, прожив с ней 15 лет, ушёл и женился на молоденькой пигалице. Через неделю она вернётся домой и пойдёт на ненавистную работу. Мужчины даже не смотрят в её сторону; иногда ей кажется, что она готова отдаться любому, кто обратит на неё внимание. Заметно холодает — начинает дуть северный ветер, солнце затягивает облаками, похожими на картофельное пюре; отдыхающие покидают пляж. Ворона, вспугнутая детским вскриком, величественно, гордо, будто орлица, улетает в сторону дюн. Немолодая женщина смотрит на изжелта-зе-

леноватые волны и думает о том, что никчёмная её жизнь уже давно закончена.

Новая сторона

Мне не нравится город Москва, мне нравится Ленинград...

То, что Цоя слушают до сих пор, говорит либо о его гениальности, либо о банальности и поповости. Виктору Робертовичу нравился город Ленинград, чего нельзя было сказать о Викторе Вениаминовиче, и тем не менее Витя ездил на «Сапсане» из Москвы в Питер и обратно каждые выходные. Дело в том, что в этом болотистом городе жила его половая подруга, Невада — так необычно звали эту 23летнюю девушку. Она обладала модельной внешностью — красивее фемины Виктор не встречал — плюс была очень умела и до чрезвычайности неистова в сексе.

В тот четверг решил сделать любимой сюрприз, взял выходной и заявился без звонка — обычно он приезжал в пятницу вечером. Невада жила в не так давно возведённом жилом комплексе рядом с метро «Парнас», в обширной двухкомнатной квартире на 24 этаже. Красавица открыла дверь целиком обнажённой — она вообще любила расхаживать дома голяком.

— Ой, ВэВэ! — пискнула Невадка. — А я тебя завтра ждала!

— Ты что же, не рада? — Виктор протянул ей свежую жёлтую лилию.

— Мерси! Рада, конечно, только я не одна.

— Не одна?..

— Ну да, с парнем. Проходи.

— С парнем?..

— Ну да. У меня ж два питерских парня кроме тебя. А этот так, случайный.

— У тебя два парня кроме меня?..

— Зачем ты за мной повторяешь? — хихикнула Невадка. Она была не в меру смешлива, и, что греха таить, слегка придурковата. — Проходи, ВЭВэ, или мы так и будем в дверях стоять? Я голенькая, вообще-то.

Виктор шагнул в квартиру, и Невада закрыла дверь.

— Тапки твои заняты, ша другие найду.

— То есть ты хочешь сказать, что трахаешься с кем-то помимо меня? — спросил Виктор дрогнувшим голосом. — Я правильно понимаю?

— Ну да! Вот, держи шлёпки. Ты раз в неделю приезжаешь, что мне в будни прикажешь делать? Я же девочка темпераментная, ты же знаешь.

— Пиздец!

— Не лайся. Кофейку хочешь?

— И почему я узнаю об этом только сейчас?

— Что я темпераментная? — хихикнула нагая красотка. — Ты не спрашивал.

— Ты считаешь нормальным спрашивать у своей девушки, есть ли у неё другие ёбари?

— Я считаю нормальным иметь нескольких ёбарей. Ой! Любowników.

— Ну ты даёшь, Невада Никитична...

— Даю, но не всем! — хихикнула та. — Да ты расслабься, ВэВэ! Я его сейчас выгоню, мы с ним уже два раза чпокнулись. А то тройничок сварганим! А что? Я с двумя парнями не пробовала.

— Может, ты своих двоих постоянных ещё позовёшь? — уронил Виктор с мрачным сарказмом. — Или с четырьмя ты уже пробовала?

— Ты расстроился, что ли, я не пойму? Они, кстати, тоже друг о друге не знают.

— Водка есть у тебя?

— Водку не употребляю, ты же знаешь. Самбука и вискарь есть. И текила, вроде.

— Налей вискаря. Полстакана.

На залитую солнечным светом кухню вошёл голый субтильный юноша с нечёсаными белокурыми волосами до плеч и крупным увесистым пенисом.

— Коля, — он без смущения протянул руку Виктору.

— Николай, Николай, я люблю твой толстый ларилалай! — безголосо напела Невада и хихикнула.

— Да уж, с ларилалаем у него всё в порядке, как я погляжу, — угрюмо усмехнулся Виктор. Руку в ответ он не протянул; юноша пожал узкими плечами, по-хозяйски открыл холодильник и достал банку пива.

— Он совершеннолетний вообще? — спросил Виктор, глядя на могучие, густо поросшие волосами причиндалы соперника.

— Понятия не имею, паспорт не спрашивала, — Невада протянула Виктору полбокала виски. — Ты совершеннолетний, Николай?

— Мне двадцать один, — юноша глотнул пива.

— А выглядишь и правда, как школьник, — заметила Невада. — Хочешь групповушку, Николандрий?

— Можно, — деловито проговорил тот и отхлебнул из банки.

Виктор выдохнул и залпом выпил виски. Николай поставил банку на стол и положил ладонь на упругую ягодицу девушки; его могучий член зашевелился.

— Однако, Невада Никитична, Вы открываетесь для меня с новой стороны, — проговорил Виктор сардонически.

— Такая вот я многосторонняя, — сказала куколка и хихикнула. — Пойдёмте в спальню, чо.

Эрегированный фаллос Николая оказался почти в два раза длиннее Викторова; Николай разорвал упаковку и ловко, одним движением натянул презерватив.

— *Шапку-невидимку на письку надену, станет невидимкою писька моя*, — пропел он на мотив мелодии старой советской детской телепередачи, и Невада на этот раз не хихикнула, а полноценно расхохоталась.

— Давайте так, — она по-собачьи расположилась на кро-

вати. — Коли Коля уже резинку нацепил, он сзади будет, а я тебе, ВэВэ, сососу для начала. А там по ходу дела посмотрим.

Виктор возбудился. Он вздохнул и начал расстёгивать ремень на джинсах.

Всё получилось споро, как-то обыденно, но всем троим понравилось; Невада бурно кончила два раза. Решили тяпнуть по рюмочке текилы — жалко только, лайма или лимона в холодильнике не нашлось.

— Эх, Невадка, а я думал, у нас любовь... поженимся, деток заведём... — грустно промолвил Виктор после третьего шота.

— Не, деток я пока не планирую, уж прости. И замуж не собираюсь.

— Может, ещё заход? — предложил Николай. — Прикольно вышло!

— А и давайте, чо, — охотно согласилась Невада.

Любава Преглупая

Сказка

Жила-была на свете царевна по имени Любава — девица красоты неопишумой (но мы всё же попытаемся): высока, стройна, долгонога, стан свой гибкий выше крепких бёдер двумя ладошками охватывала. Длинную белую шейку венчала красивая маленькая головка, с которой водопадом струились до земли густые светло-жёлтые, почти белые волосы. Очи, огромные и широкие, плескались двумя синими озёрами, и много мужских сердец потонуло в этих бездонных омутах, опушённых камышом длинных ресниц. Маленький прямой носик, ярко-алый мак пухлых уст, скрывающих перламутровый ряд безупречных зубок. Кожа белая, как мука, и бархатная, словно шкурка свежесорванного персика.

Одна беда — глупа царевна была сказочно, безнадежно и неопишумо (но мы всё же попытаемся). За всю свою жизнь Любава не взяла в свои изящные ручки ни одной книги — более того, она едва умела читать, а писать не умела вовсе. Она не могла отличить ворону от галки, корову от быка, путала рассвет с закатом, обладала короткой памятью и не умела думать — от этого начинала болеть её миловидная пустая

головка. Любава обожала слушать музыкантов, дворцовых и бродячих, плясать под их незатейливую музыку, вкусно покушать, пить квас и любоваться на себя в зеркало.

В соседнем царстве жил-поживал да ума наживал царевич Ярила по прозванию Разумник, рослый и дюжий пригожий молодец. Царевич был белокур, зеленоглаз и имел небольшую русую бороду. Большею частью он проводил время за чтением книг и занимался физическими упражненьями. Красив, умён и разумен, но одна беда — был он смертельно влюблён в царевну Преглупую, влюблён наглухо и бесповоротно. Ярила-разумник думал только о ней и всеми силами добивался её руки, сердца и прочих частей тела. Любава же опасалась того, что после замужества ребёночек попортит красоту её тела, и венчаться покамест не собиралась.

— Выходи за меня замуж, Любавушка! — бывало подкапывал Разумник к царевне.

— А? — рассеянно переспрашивала Преглупая, рассматривая свою красоту в большом переносном зеркале.

— Будь женою моею, говорю! — пояснял царевич, оглаживая молодую светлую бороду. — Счастливы будем вдвоём, детишек заведём!

— Не, не хочу, — артачилась царевна. — Детишка попортит красу мово брюха. Некрасивая буду.

— Счастливы будем, Любавинька! — настаивал царевич. — А с ребёночком можем повременить.

— Не, — говорила царевна. — Не хочу.

И всё в таком духе.

Однажды Любава Преглупая пропала. Пошла в лес по цветочки да ягодки — и как в воду канула. Опечалились царь с царицею, а Ярила влюблённый так и места себе не находил.

Делать нечего, пусть она глупа как курица, думал он, но жить без неё не могу, надо идти искать. Нацепил на спину лук и колчан со стрелами, через плечо перебросил суму перемётную и пошёл. Сначала все поля окрестные обрыскал, потом в лес углубился. Семь дней по трущобам блуждал и наконец забрёл в самую глушь, в самую чащу, где наткнулся на замшелую покосившуюся избушку без окон.

Царевич вежливо постучал в дверь.

— Кого нелёгкая принесла? — недовольно раздалось из избы.

— Я царевич Ярила, сын царя Светомира, — ответил Разумник. — Ищу царевну Любаву Преглупую, что в лес за цветами да ягодами пошла и сгинула.

— Ну, заходи, коли пришёл.

Внутри оказалось очень просторно и чисто, без пылинки, без соринки — явное волшебство. Двухспальная русская печь, широкая лавка, уёмистый сундук с кованной железной крышкой, дубовая бочка, бочонок поменьше. По середине избы стоял стол, за которым ел грибную похлёбку из миски древний старец, обросший сивыми, грязноватыми, но тщательно причёсанными волосами и выющейся от самых глаз до пояса бородой.

— А сам-то кто будешь, почтенный старче? — спросил царевич.

— Я — Дед-Ягун, потомственный колдун, волшебник, ведун и целитель, — представился хозяин с достоинством. — И немного ясновидец.

— О, это я удачно зашёл! — обрадовался царевич. — Поможешь мне в поисках, Ягуне?

— Может, и помогу, — хмыкнул дед. — Только сначала ответь мне на один вопрос.

— Хоть на три, почтенный старче! — воскликнул царевич с жаром.

— Оно тебе надо? — спросил Ягун почти с жалостью. — Он же глупа, как... как...

— Курица?

— Ага, — согласился ведун. — А может, и хуже того.

— И что?

Дед-Ягун тяжело, по-стариковски вздохнул.

— Проголодался, поди, по лесу-то блуждаючи? — спросил он.

— Не без того, — признался царевич.

Хозяин налил гостю миску похлёбки, отрезал ломоть серого хлеба и поставил перед ним кружку кваса.

— Любишь, значит, Любавку Преглупую?

— Люблю, старче. Не скажу, что больше жизни, но тяжело мне без неё.

— Понимаю, — опять вздохнул Дед-Ягун. — И со мной

такое в юности случилось...

— Так поможешь? Отблагодарю, дедушка!

— Не надобны мне твои благодарности, — махнул старик рукой. — Разве что сына в мою честь назовёшь, если всё срастётся.

— Да не вопрос, старче! — воскликнул царевич.

— И на свадьбу позовёшь!

Разумник поднял вверх обе руки с растопыренными пальцами — мол, тоже не вопрос.

— И подаришь полцарства!

Царевич прокашлялся:

— Бать, по-моему, это уже перебор...

Дед-Ягун оглушительно расхохотался.

— Шучу, шучу!.. — сквозь смех и слёзы проговорил он. — Видел бы своё лицо, царевиче!

Разумник даже покраснел своим белым лицом. И немного шей.

— Да мне не жалко, за Любавушку-то... — проямлил он. — Только я ведь в наследство ещё не вступил...

— Забей, короче, — сказал Дед-Ягун. — Шутка, и ничего кроме шутки. Я, если бы захотел, со своими возможностями уже бы всем миром владел.

— Прям-таки всем? — усомнился царевич. — А ты не загнул лишнего?

Колдун, ведун и заслуженный целитель Всея Руси задумался.

— Пожалуй, загнул, — согласился он. — Но полмира бы точно отхватил!

— А опять ты не загнул? — не унимался Разумник.

Дед-Ягун снова задумался.

— Да, пожалуй, опять загнул, — признал он и вдруг встрепенулся. — Слушай, малец, ты помощи ищешь или старших учить собираешься?!

Ярила поднял вверх руки, как бы сдаваясь и признавая свою неправоту:

— Облажался, батя, признаю! — раскаялся он. — Не вели казнить, так сказать, вели помиловать!

Колдун был отходчив и извинения принял.

— Так, отроче, в целом, я ведаю, где пребывает твоя пу-стоголовая любушка.

— Это через край, старче! — вновь всколыхнулся Разумник. — Попрошу поуважительнее, ты всё-таки о моей невесте говоришь!

— Она тебе ещё не невеста. Это раз, — с неприятной дрожью в голосе проговорил Ягун. — Она действительно пусто-головая, и это ещё слабо сказано. Это два. И пошёл вон отсюда — это три!!!

— Ай, прости дурилу-разумника, прости ради всего светлого! — испугался царевич. — Хочешь, на колени перед тобой встану?!

И действительно, плюхнулся перед ведуном на колени, молитвенно сложив руки. Грозно насупив мохнатые седые

брови, Дед-Ягун не спеша выпил две кружки квасу кряду.

— Можно я встану уже? — кашлянул царевич. — Ноги затекли. И спину ломит.

— Это те за дерзость твою! — буркнул колдун. — Ща ещё проклянута до седьмого колена!

— Ни нада, — попросил Разумник.

— Свинья ты, царевич Ярила, сын царя Светомира! — обличил дед. — Я тебя накормил, напоил, безвозмездную помощь предложил — а ты?.. Хамишь, неуважение показываешь! Совсем берега потерял!

— Ну, виноват, не удержался, — покаялся царевич. — Больше не буду! Можно встать уже?

— Нет! Это епитимья такая тебе, пёс неблагодарный!

Ярила чуть опять не взбрыкнул — в последний момент опомнился.

— Овца твоя в гостях у Кожана Безмозглого, — сообщил ведун. — По собственной воле и разумению, ежели таковое слово возможно к ней применить.

— Это шутка такая несмешная? — остолбенел царевич.

— Нет, — опроверг Ягун. — Шутка была про полцарства, а теперь юмор кончился. Она сидит в замке у Кожанушки, пьёт квасок, хохочет над его тупыми шутками и судя по всему, собирается за него замуж.

— Вот это поворот!! — изумился до самых глубин своей бездонной славянской души Ярила-Разумник. — Дед, я поднимусь всё-таки, сил моих больше нет.

И крихтя встал с колен.

— Лучше б ты меня выкинул к собакам за неуважение, чем такую скорбную вестъ мне услыхать! — сокрушился царевич.

— Кваску хошь? — предложил колдун в качестве утешения.

— Хочу, — согласился Ярила. — А позабористее нет у тебя чего?

— Есть, но не дам, — отказал Ягун. — Тебе теперъ ясная голова нужна.

— Эх, — разочаровался Разумник, припадая к квасу. — И что же мне теперъ делать, старче?

— Это элементарно. Варианта два. Либо ты идёшь в замок к Безмозглому и пробуешь её вернуть, либо возвращаешься домой, находишь себе новую девчонку и начинаешь жить полной жизнью и дышать полной грудью, — рассудил мудрый старик. — Второй вариант, по-моему, куда как разумнее.

— А как же любовь?

— А что любовь? — хмыкнул ведун. — Как в песне поёт-ся: «была любовь, прошла любовь».

— Так она не прошла ещё, — не согласился царевич.

— Знаешь, какую гравировку один хитрый человек сделал себе на кольце?

— Не знаю, — признался Ярила. — Но смутно догадываюсь.

— «И это пройдёт». И поверь мне, очень быстро. И зеленые листья, и снег, и любовь, и ненависть, и жизнь, и смерть, и квас — оглянуться не успеешь.

— Ты — мудрый человек, почтенный Дед-Ягун, — признал Разумник. — Но я всё-таки отправляюсь в логово к Кожану Безмозглому.

Ведун неопределённо пожал плечами:

— Я не человек, так-то.

— Тем не менее.

— Значит, едешь за будущей Безмозглой? — удостоверил колдун.

— Так, товарищ, не бегите впереди телеги! — предупредил царевич. — Вполне вероятно и другое развитие событий. Я про грядущую фамилию Преглупой.

— Коли уж речь зашла о товарищах и телегах... путь неблизкий, могу порекомендовать скакуна.

— Не откажусь, — согласился Разумник.

— Пошли.

Перед избушкой стоял огромный бурый медведь.

— Феоктист Михалыч, — церемонно отрекомендовался он.

— Ярила Светомирович, — машинально отозвался Разумник и обратился к Ягуну: — А где скакун, я стесняюсь спросить?

— Так вот же он, прошу любить и жаловать. Настоящий скакун, — утвердил дед. — Скаковой медведь, точнее. Но

это даже сподручнее — может пригодиться в кулачной переделке. Лапа у него тяжёлая, заверяю.

— Всё интереснее и интереснее, — констатировал царевич. — Я буду называть тебя Федей, «Феоктист» как-то заковыристо.

— А ты берега не попутал, братан? — уточнил бурый скакун. — Я животное самозанятое, не под кем не хожу. Запанибратства не потерплю — могу и в ухо с левой съездить. Это я к тому, что я левша.

— Тогда буду называть тебя Михалычем, — не стал настаивать царевич, оценив размеры и мощь скакуна и прикинув, что после удара с левой в ухо он вряд ли когда-нибудь поднимется.

— Другое дело, братан! — расплылся в белоклыкой улыбке Феоктист Михалыч.

— Вижу, вы поладите, — скрепил маг и колдун. — А в таком случае не теряйте времени и незамедлительно отправляйтесь в путь. И помни, царевич Ярила, сын царя Светомира, Безмозглый хоть и безмозглый, но берёт импульсивной хитростью, будь осторожен!

— Понял, принял, обработал! — понял, принял, обработал царевич. — Спасибо, премудрый Ягун!

— Да ну ты, — скромно махнул дед рукой. — В добрый путь, как говорится!

Разумник запрыгнул на спину необычного скакуна:

— Дорогу-то к Кожанчику знаешь, Михалыч?

— Обижает, начальник! — осклабился тот.

— Тогда погнали!

Засим погнали. Феоктист Михалыч шёл со средней скоростью 60 вёрст в час, и через два дня они уже подъезжали к предместьям замка Безмозглого. Впереди развиднелись горные вершины, среди которых была выстроена крепость в псевдоготическом стиле. Как добирался до замка его хозяин Кожан, оставалось неясным — вероятно, существовал какой-то тайный подъёмник или применялась магия.

— Что будем делать? — почесал светлый затылок царевич.

— Спокуха, братан, — успокоил всадника скакун. — Заберись в лучшем виде! Главное, держись покрепче!

Феоктист Михалыч не соврал и за какие-то пять минут, ловко цепляясь за скалы когтями, достиг просторной, как площадь, открытой террасы замка. Тем временем стемнело, и всюду волшебным образом зажглись многочисленные фонари в хрустальных плафонах.

Странная парочка — тощий долговязый мужик средних лет на вид, похожий на мумию, с лысой головой и золотыми зубами и прекрасная дева с изумительными пшеничными волосами — была найдена по залиvistому смеху последней: видимо, её златозубый кавалер рассказывал что-то невыносимо смешное. Они сидели за круглым столиком, уставленным яствами и романтично зажжёнными свечами.

Царевич и Феоктист Михалыч подошли неслышно. Пер-

вой их заметила Любава Преглупая и преглупо усмехнулась:

— Ярик? Ты откуда здесь? Да ещё с медведём?..

— С медведем, — машинально поправил Разумник. — Ты, Люба, лучше скажи, ты зачем и откуда здесь?

— Я в гостях у Кожана Кощеича!

— Вы, милочка, уже, можно сказать, дома-с, — масляно вклеил Безмозглый. — Скоро, так сказать, хозяйкой здесь будете-с!

— Давай я башку его лысую оторву? — беззлобно предложил медведь. — Сделаю в лучшем виде!

— Бесплезно-с, — оскалил золотые зубы Кожан Безмозглый. — Я в некотором роде бессмертный-с, весь в папу-с! Лимонаду не желаете-с? Заграничный-с!

— Какой мерзкий тип, — вполголоса сказал Феоктист Михалыч на ухо царевичу.

— Вопрос восприятия-с, — расслышал лысый и противно ухмыльнулся. — Любава Андреевна, вон, ко мне в жёны идут-с!

— Так это правда, Любава? — ледяно выдавил царевич.

— Правда-с... — глупо зарумянилась царевна.

— Предала нашу любовь, ушла из дому, расстроив родителей, никому ничего не сказав... Почему, Люба?

— Не знаю-с...

— М-да, царевна, видно, верно поётся в песне: «была любовь, прошла любовь!» — горько рассудил Разумник. — По-едем домой, Феоктист Михалыч, мы здесь лишние.

Царевич и медведь расстались возле избушки Ягуна — можно сказать, лучшими друзьями. Разумник зашёл к колдуну и за рюмочкой квасу рассказал о печальных итогах своего путешествия.

— Что ж, по крайней мере, теперь мы знаем, что царевна жива и здорова, — грустно заключил Ярила. — Спасибо тебе за помощь, Дед-Ягун!

— Выходит, особо не за что, — вздохнул старец.

— Тем не менее, — вздохнул Разумник.

Говорить им больше было не о чем. Дед-Ягун занялся алхимическими опытами, а царевич отправился на поиски новой любви.

Жюстина и Жюль

Жюстина Петровна вошла на кухню голой — то есть абсолютно голой, но, правда, в тапочках; этот перформанс повторялся уже не в первый и не в пятый раз. Она начала невозмутимо заправлять кофеварку.

— Мать, заканчивай голой расхаживать, а! — сказал Жюль с раздражением.

— Сам ты мать! Мама.

— *Мама*, блять, кончай голой ходить!

— Это почему же? — осведомилась Жюстина Петровна с интересом.

— Потому что у меня на тебя встаёт! — объяснил Жюль.

— Бабу заведи, и не будет вставать, — возразила Жюстина Петровна.

— У меня есть баба! Девушка, в смысле.

— И ты с ней сексом занимаешься?

— Разумеется! — сказал Жюль.

— Вовсе не разумеется, — заметила Жюстина Петровна.

Она включила кофеварку. — Что, полноценно встаёт?

— Так точно! — доложил Жюль.

— Пиздишь, поди? — усомнилась Жюстина Петровна.

— Тебе показать, что ли?..

— Покажи.

Жюль решительно встал с табуретки, развязал пояс халата

и показал.

— Хм. Действительно, стоит вполне полноценно, — задумчиво констатировала Жюстина Петровна. — Что ж, будь доволен, мамка у тебя в сорокет, выходит, неплохо выглядит.

— Мать, ты издеваешься, что ли?.. — опешил Жюль.

— Мама. У тебя стоит ещё?

— Так точно.

— Покажи ещё раз.

Жюль опять показал.

— Хм. Здоровенный дрын у тебя. У твоего бати гораздо меньше был.

— Коли сама вспомнила... кто мой отец, всё-таки?

— Твой отец — мудака и ебалай. Полный и бесповоротный. Надеюсь, он уже сдох.

— А у тебя сиськи обвисшие, вот!

— Это ты ещё обвисших не видал, сынок, — спокойно заметила Жюстина Петровна. — Они после того, как я тебя вскормила обвисли. Сам виноват.

— Конечно, нашла виноватого, — недовольно буркнул Жюль. — И жопа у тебя дряблая!

— Что ж у тебя тогда на меня встаёт, если я вся такая дряблая и обвисшая? — сардонически ухмыльнулась Жюстина Петровна. — А, извращуга?

— Она голой при сыне ходит, — потрясённо покачал головой Жюль, — а я извращуга!

— Ходить голым по квартире, это нормально и естествен-

но, — авторитетно заявила Жюстина Петровна. — Я у себя дома, на минуточку.

— Если нормально, я тоже буду голым ходить! — разозлился Жюль. — Со стоячим, причём!

— Да и ходи, пожалуйста, — равнодушно уронила Жюстина Петровна. — Кофе будешь?

— Буду.

— Раньше не мог сказать, ёб твою мать! — воскликнула Жюстина Петровна с непонятым ожесточением. — Я только одну чашку сварила!

Сын посмотрел на неё с удивлением.

Царевна-целочка

Жила-была на свете царевна. И была она такой капризной, прихотливой и выёбистой, что все называли её Целочкой. Спасу от неё не было никому. Кушать садится: это ей слишком жирное, то ей слишком постное; от этого её тошнит, от того икота пробирает. Одеваться начинает: это ей через меру старомодное, то ей через меру современное; это ей чересчур блядское, то ей чересчур скромное. Ебаться собирается: у этого хуй непомерно маленький, у того хуй непомерно большой; у этого стоит плохо, тот сливает быстро, а пятый ебалом не вышел.

И вот однажды Целочка потерялась в лесу. Семь дней она по чаще шароёбилась, всех и вся на свете хуями обложила и в итоге попала в логово к семи разбойникам. Несладко пришлось царевне в разбойничьем гнезде. С раннего вечера до позднего утра ебали её в семь хуёв разбойники во все возможные и невозможные дыры. В оставшееся время Целочка стирала их вонючие носки и обосранные трусы, драила заблёванные полы, варганила разбойникам жратву, а потом мыла посуду. И пары часов порой вздремнуть не удавалось.

«Эх, не думала, не гадала, а подкрался ко мне пиздец-батьюшка!» — горевала царевна. Но спасенье пришло неожиданно. Со времени пропажи разыскивал её царевич Дуболом, смертельно влюблённый в Целочку и безуспешно доби-

вавшийся её руки и пизды. И вот через семь месяцев нашёл Дуболом любимую и разьебал разбойников на семь рваных хуёв.

— Что, Целочка, выйдешь теперь за меня замуж? — молвил царевич, подбоченясь.

Царевна сполна осознала свои ошибки. С упоением опустилась она перед Дуболомом на колени и сделала ему сказочный царский минет с заглотом и проглотом. Жили они не очень долго, но очень счастливо, еблись по три раза на дню и умерли в один месяц.

Жарко

Оба топлесс, они сидели на залитой буйным солнцем открытой террасе в плетёных креслах-качалках, изредка лениво потягивая холодный апельсиновый сок из высоких хрустальных стаканов.

— Господь всемогущий, ну и жарщица! — сказала девушка. У неё прекрасная грудь, не очень большая, но тугая и высокая, с малюсенькими молочно-розовыми сосочками с правильными ареолами. — Мы поджаримся скоро, пойдём в дом!

— Дома душно, там ещё хуже, — возразил мужчина. — Подзагорим, зато. Можно, конечно, на речку пойти, но что-то лень. Или пойдём?

— Не. Далеко переть.

— Ага, — мужчина отхлебнул из стакана. — Так что у тебя там с твоим новым... как его, Димасик, что ли?

— Да нормуль пока всё. Я, вроде, всем довольна, тьфу-тьфу. Симпатичный, стройный, обеспеченный. Не очень молодой, не очень старый. Вроде неглупый, чувство юмора есть.

— А с сексом как? — спросил мужчина после паузы.

— Норм.

— А конкретнее? Как часто трахаетесь?

— Как видимся, так и трахаемся. По два раза за встречу

обычно.

— А как часто видите?

— Два, три раза. В неделю.

— Норм, — сказал мужчина. — Писюн большой у него?

— Не меряла. Обычный. Сантиметров пятнадцать, наверное, — сказала девушка. — Мне нравится, удобный.

— И сколько по времени акт длится?

— Не засекала. Минут пятнадцать.

— Норм. Кончаешь?

— Через раз.

— До жопки допустила уже?

— Нет. Мне анал не очень нравится, а он не просит.

— Дай-разок другой. Мужики это дело ой как любят.

— Хорошо. Дам.

— Вазелинчику побольше, и как по маслу пойдёт. Тем более член у него не очень большой.

— Поняла.

— Фу, о сексе заговорили, я аж возбудился.

— Что, прям встало?

— Криво встало, — усмехнулся мужчина. — Шорты мешают.

— Покажи!

— Смотри, — он кивнул на взбугрившиеся бриджи.

— Так не интересно. Штанцы приспусти.

— Не ерунди.

Они помолчали.

— А ты не думал, бать, что из нас с тобой получились бы неплохие любовники?

— Хоть сиськи у тебя клёвые, о таком я не думал. Я, конечно, немножечко извращенец, но не настолько.

— А мне такие мысли приходят иногда.

— Фрейда ещё никто не отменял, — хмыкнул отец. — Сок закончился, может, за пивом сгоняем? Вдруг холодильники заработали?

— Пошли, — согласилась дочь.

Девочка и слизняк

Маленькая девочка с мамой жили летом на даче.

Однажды мама копалась в огороде, а девочка познавала окружающий мир. Совершенно случайно девочка наткнулась на слизняка, медленно и склизко ползущего по полу-сгнившему брёвнышку.

— Мама, мама! — закричала девочка радостно. — Здесь слизняк!

— Поцелуй его, — загадочно улыбнулась мама, — и может быть, он превратится в принца.

Маленькая девочка кривилась, морщилась — больно уж слизняк был противный. Но девочке очень хотелось заполучить принца — и она поцеловала слизкое студенистое существо.

Принц оказался таким же маленьким, как и девочка, но толстым, ленивым, чрезвычайно прожорливым и, ко всему прочему, с наисквернейшим характером. Но делать было нечего, ибо принцев не выбирают. Маме пришлось прописать его в свою квартиру, так как своего замка у принца почему-то не оказалось — как и всего остального.

На следующий год девочка пошла в школу. Принц же не соизволил — он целыми днями возлежал на диване, уткнувшись в телевизор, и поедал бутерброды.

Когда девочка и принц повзрослели, они поженились —

хотя ни капельки друг другу не нравились. Девочка закончила институт и пошла работать, а принц всё так же продолжал пролёживать диван, толстея день ото дня, злобно и недовольно ворча на свою принцессу, когда та, усталая, приходила домой с работы.

Жили они очень долго и очень несчастливо и умерли в один год.

Ушедшее

Светлане Битюцких

It was many and many a year ago,
In a kingdom by the sea,
That a maiden there lived whom you may know
By the name of Annabel Lee <...>

She was a child and I was a child,
In this kingdom by the sea,
But we loved with a love that was more than love —
I and my Annabel Lee...

Edgar A. Poe¹

Ей было шесть лет, мне только-только исполнилось семь. Два небольших дачных домика, которые её и мои родители снимали на лето, стояли по соседству. Родители наши не ладили, — но мы с Дашей были неразлучны весь тот скоротечный август. Нам всегда было весело и хорошо вдвоём, что бы мы ни делали — попеременно играли то в девчачьи, то в

¹ Это было давно, очень, очень давно, В королевстве у края земли, Где любимая мною дева жила, — По имени Эннабел Ли... Я был дитя, дитя и она, В королевстве у края земли, Но любовь была больше, чем просто любовь — Для меня и для Эннабел Ли... Эдгар Аллан По

мальчишеские игры, ходили в лес, на речку или просто бродили по посёлку. Я очень привязался к ней — засыпал, представляя её, просыпался с мыслью о ней, и даже во сне, почти каждую ночь видел Дашу.

Однажды мне не спалось; глядя в окно, я думал о *ней* — о том, что она удивительная девочка, такая, какой больше нет и не может быть на всём белом свете. И вдруг, всё моё существо наполнило необычное чувство — так призрачно-чёткий свет величавой луны наполнял тесную комнатушку, где я лежал на кровати и чувствовал себя по-настоящему, совершенно счастливым — в первый, и, пожалуй, последний раз в жизни.

На следующий день мы пошли купаться на речку. Было очень жарко, и мы долго барахтались в ледяной проточной воде. Когда наконец вылезли на берег, уставшие и довольные, я объяснился ей в любви — просто сказал:

— Я люблю тебя, Даша.

Она немного помолчала, ласково и одновременно строго на меня глядя, и так же просто ответила:

— Я тоже тебя люблю.

Я подумал, что нужно поцеловать Дашу; нагнулся к её лицу, почувствовав терпкий запах загорелой кожи и свежей воды — и у меня сладко закружилась голова. Губы у Даши были пухленькие, яркие, густо-красные, словно от сока спелой малины; зажмурив глаза, я прикоснулся своими губами к её, малиновым.

— Ну вот, теперь мы должны пожениться, — деловито произнесла Даша.

И хотя я был с ней полностью согласен, мне стало смешно — мы, такие маленькие, а теперь должны пожениться; но я сдержал смех, открыл глаза и серьёзно подтвердил:

— Конечно.

И, под стремительное журчание быстрой речушки, мы бесконечно долго обсуждали, как поженимся, будем жить дружно и никогда не ссориться, как подружатся наши родители и мы станем одной большой семьёй.

А потом Даша уехала. Видимо, родители неожиданно решили вернуться в Москву, и по какой-то причине не отпустили её попрощаться со мной. А я не знал её телефона, где она живёт, не знал даже её фамилии.

Мне казалось, что жизнь моя кончена. Я ушёл на речку, на то место, где мы объяснились друг другу в любви, лёг на землю, уткнулся лицом в траву — и зарыдал. Рыдал и рыдал, рыдал безудержно, безутешно. Потом встал, с решимостью подошёл к самой воде... но мне сделалось страшно. Кинуться в проворный поток, навсегда скрыться под этой ледяной водой — я понял, что *не могу* этого сделать. Вытер слёзы и побрёл домой.

А первого сентября я пошёл в школу. Громада новых впечатлений постепенно заслонила собою образ Даши. Я стал забывать её, и через какое-то время забыл совершенно. Я окончил школу, отслужил в армии, отучился пять лет в теат-

ральном институте; полтора года проработал в захолустном провинциальном театришке, разочаровался в искусстве, вернулся в Москву и стал зарабатывать деньги, случайно устроившись в довольно крупную торговую фирму.

И вот однажды, безуспешно пытаясь разогнать скуку в средней руки московском клубе, у стойки бара я увидел её. Не знаю, как я смог узнать её; но сразу понял — это она. И мгновенно, ярко и живо, будто это было совсем недавно — вспомнился тот двадцатилетней давности август.

Я подошёл; она была в мини-юбке и откровенно-открытой блузке; перед нею рюмка — наверное, водки — и пачка «Петра».

— Даша, — неуверенно, то ли вопросительно, то ли утвердительно сказал я.

Она быстро повернулась ко мне. Она сильно изменилась — до неузнаваемости. Худа, поджара; черты лица мелкие и резкие; губы — когда-то пухлые и малиново-красные — стали тонкими и поджатыми. В выражении слегка осунувшегося лица — она много курила, и, видимо, пила — и во взгляде маленьких, сильно накрашенных глаз появилась какая-то озлобленность, *стервозность*; и всё же это была она, и она была — пусть не красива, но привлекательна — привлекательна, может быть, именно этой стервозностью.

Непонимающе-пристально смотрели на меня маленькие, агрессивно-накрашенные глаза. Она меня не узнала; и когда я сбивчиво, коротко напомнил ей, что было тогда, двадцать

лет назад — хоть и сделала вид, но не вспомнила меня. И всё-таки поехала со мной.

У меня на кухне, почти не разговаривая, мы выпили две бутылки плохого грузинского вина; потом я робко, так же, как *тогда*, поцеловал Дашу. Её тонкий язык — мне показалось холодный, змеиный — остро скользнул мне в рот.

Всё получилось быстро, судорожно и холодно. Когда я проснулся, она уже ушла.

Больше мы никогда не виделись.

Пылающий закат

В лёгких, просторных одеждах бесстрашно стояли они на самом краю крутого обрыва и вдумчиво созерцали волшебный злато-багряный закат. Далеко внизу серебристо змеилась неширокая речка, за ней по пологому склону начиналось бескрайнее поле богато колосющейся пшеницы. Вдалеке по краям поля смутно чернели полосы непроходимых смешанных лесов. Невыносимая дневная жара незаметно сменилась благостной прохладой. Редкие кучевые облака недвижно висели в насыщенном густым ароматом трав, блаженно посвежевшем воздухе. Однообразно, образуя неумолчный гул верещал сонм кузнечиков.

Юная княжна Елена Петровна и молодой граф Лев Николаевич нежно держались за руки.

— Отчего при взгляде на такую красоту мне становится чуточку грустно, Leo? — молвила княжна рассеянно.

— Это хорошо, Helene! — отозвался граф зычным баритоном. Он чисто выбрился перед свиданием и умеренно благоухал английским одеколоном. — Глядя на вас, я тоже иногда грущу. И мне становится очень хорошо и покойно.

— Отчего же вы грустите, Лев Николаич? — спросила княжна как бы даже с лёгкой обидой. — Разве вам не хорошо со мной?

— Избави Боже, милая Елена Петровна! — проговорил

граф испуганно. — Вы вовсе не так меня поняли! Я же сказал: мне очень хорошо и покойно с вами! Ведь вы тоже грустите, глядя на этот прекрасный закат, Helene?

— Грущу... немного.

— Ну вот! — обрадовался граф. — Но это же не значит, что вам от него становится плохо. Не так ли, Helene?

Княжна огладила ладонью светлое золото выющихся до лопаток волос.

— Не значит... — молвила она тихо.

Они немного помолчали. Солнце скрылось за большим облаком, окрасив его сказочным багрянцем.

— А я Ницше читать начала, — сказала Елена Петровна. — «Also sprach Zarathustra».

— И охота вам портить глазки эдакой чушью! — отозвался Лев Николаевич. — Почитайте лучше Шопенгауэра, «Die Welt als Wille und Vorstellung».

— Шопенгауэра я читала...

Граф нерешительно положил по-мужицки широкую ладонь на её поясницу. Опустил руку ниже, ощупывая упругие полукружья её маленького задочка.

— Ах, Helene, какая сладкая у вас жопочка!

— Сладкая? — она выделила это слово интонацией и тихонько рассмеялась. — Только для вас, Лев Николаич!

Он сжимал пальцы всё смелее и настойчивее, и просторные шёлковые брюки стали ему тесны. Неотрывно глядя на закат, Елена Петровна одной рукой расстегнула ему гульфик.

У графа был огромный уд, что являлось приятной необычностью для аристократа — весьма длинный и объёмистый, толще её запястья, и княжна даже не могла целиком охватить его своими тонкими красивыми пальчиками с аккуратно подстриженными и тщательно отполированными ногтями. Лево́й рукой Елена Петровна расстегнула застёжку на юбке, и та упала на траву.

— О, Helene! Вы сегодня без исподнего?

Лев Николаевич запустил пальцы в мягкий золотистый пушок, и у княжны непроизвольно поджался живот, она задышала чаще.

— Oh mon comte, je vous aime!.. — Елена Петровна жала пальцы сильнее, ощущая под ними мощный ток крови, и стала двигать изящной кистью.

— Et je vous suis! Et moi! — вымолвил граф через силу и неистово, обильно выпростался, выдохнув через нос и издав странный утробный звук.

Через полминуты тихо дрогнула и княжна. Некоторое время они молча стояли, не отнимая друг от друга рук. Елена Петровна чувствовала, как тяжелеет и успокаивается в её руке могучее орудие. Она наконец отпустила графа, грациозно подняла с травы и надела юбку.

— Однако, весьма посвежело, — заметила она.

— Бесспорно, — Лев Николаевич привёл себя в порядок и застегнул гульфик. Достал серебряный портсигар, и они с наслаждением выкурили по душистой голландской пахито-

се.

— Я пойду, пожалуй. Папаша будут волноваться, — молвила Елена Петровна. — До завтра, милый Leo!

— До завтра, милая! — горячо отозвался граф. — До завтра, моя любимая Helene!

Закат догорал.

Конец Света

— Здравствуйте, дорогие телезрители. Вы смотрите новости на первом канале. Ведущая в студии — Ольга Раскорякина.

У дикторши большой рот. Она неряшливо покрашена. Говорит не очень внятно.

— Главная новость, как вы уже догадались... Да, да, да!.. Конечно же, Конец Света. Итак, о светопреставлении уже можно говорить с полной уверенностью. Учёные подсчитали, что как максимум через десять часов гигантская комета, наречённая астрономами Цербером — хуй знает, почему именно Цербером — войдёт в атмосферу Земли.

На экране появляется нечёткое изображение огромного раскалённого шара, несущегося в безвоздушном пространстве. Изображение сильно искажается и пропадает.

— Вот так, дорогие телезрители. Через пару часов эта невъебенная хрень прохуярит нашу несчастную планетку насквозь. Ну, может быть, и не насквозь (учёные выдвинули на этот счёт несколько гипотез, но ни одну из них нельзя считать доминирующей), но со стопроцентной гарантией можно заявить одно: человечеству наступит полный и бесповоротный пиздец.

За кадром приглушённо, но отчётливо слышен пьяный смех.

— Эти самые сраные учёные, которые запустили человека в космос, которые изобрели атомную бомбу и стали клонировать животных, ни хуя не могут сделать с этим распроебанным метеоритом... А теперь новости из Ватикана. Самое, блять, время. Алексей?

На фоне ватиканского дворца мужчина педерастичной наружности. Всклоченные волосы, давно небрит. Голос высокий и манерный. Площадь запружена беснующейся толпой.

— Новости неутешительные... Если сейчас вообще могут быть какие-нибудь утешительные новости. По слухам, судя по всему правдивым, понтифик Иоганн Себастьян второй снял трёх проституток, двух <...>, и закрылся с ними в рабочем кабинете. М-да, недаром великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский лютой ненавистью ненавидел католицизм... На улицах Рима творится неопишваемое. Все беспорядочно сношаются, пьют и дебоширят. Все магазины разграблены...

К комментатору подскакивает бритоголовый парень в кожаных штанах, голый по пояс, и бьёт его кулаком в ухо. Комментатор с неожиданной ловкостью отвечает ударом на удар, валит хулигана на асфальт, и, матерясь, молотит его ногами. Камера показывает это крупным планом.

— Простите... Полный беспредел! — комментатор, тяжело дыша, поправляет галстук. — Ольга?

— Что-нибудь ещё, Алексей?

— Я уже несколько лет мечтаю отыметь тебя, Оля.

Ольга Раскорякина хихикает.

— Вообще-то я думала, что ты ***, Лёша.

— Вообще-то я ***. А точнее — три***. В зависимости от ситуации.

Дикторша опять хихикает.

— Надо было подкатиться. Я бы тебе дала, Алексей. Ты мне всегда нравился. С вами был специальный корреспондент первого канала в Риме Алексей Содомигер. — Ольга берёт большой высокий, наполовину полный стакан, одним духом осушает его. Затем кричит кому-то, стоящим за камерой: — Мужики, бля, ну даст кто-нибудь сигарету?!

Её сильно качает из стороны в сторону.

— Дорогие телезрители... ик... простите ради бога! Мы тут все бухие в сиську, ик... Короче, счастливого вам пиздеца, болезные мои! Я пошла делать минет, ик, Косте Бернсу. Он давно просил, а я что-то всё динамила. Порадую напоследок. — Дикторша с трудом встаёт. — Да, чуть не зыбыла! Ик! Всю жисть об этом мечтала, ещё в своей Таракановке! Дорогие телезрители, пошли вы все на хуй!!! Ик...

Щёлк.

— ...столпы новой российской литературы: Дарья Маринина, Маня Донцова и Ярославна Пашкова. Они собираются отметить Конец Света в Новоперedelкино, в узком семейном кругу. Многомиллионным тиражом разошёлся их последний роман, написанный в тройном соавторстве, «Джу-

льетта любит «Невское».

На по-модному небритом лице ведущего выражение скуки и безразличности. Его перекосило так, будто только что ему под нос сунули использованный презерватив. Он сидит на высоком стуле, полусогнувшись, опершись одной рукой о стеклянный столик.

— Скандально известный писатель-копрод Владимир Пташкин прилюдно совершил со своими дочерьми-близняшками несколько извращённых половых сношений, а затем, вместе с ними, свёл счёты с жизнью, прыгнув в канализационный отстойник. Последние его слова были: «Сначала умерла литература, теперь гибнет мир! Я бессмертен, и в следующих воплощениях я опять буду жрать...»

Щёлк.

Красная площадь. Концерт. Молодёжь неистовствует. Пиво, водка, пот и сперма льются рекой.

— И не забудьте: спонсор нашего концерта пиво «Клинское»!! — орёт в микрофон конференсье Пелдис Вельш. — Пусть последним, что вы почувствуете, будет вкус пива «Клинское «Светопреставление»! «Клинское» forever! А теперь единственный и неповторимый, наш богоподобный гургу Лев Львович Расчёскин, с новой, написанной как раз на наш случай песней! Встречайте! Вот он, божественный!

У Расчёскина бакенбарды а ля Пушкин, он по обыкновению обдолбан.

*В последний раз я вижу эти сте-е-еипи,
В последний раз я вижу Будду на кресте-е-е!
В последний раз несуществующее кепи
Болтаться будет на моей елде!
Я Будда сам. И что вдвойне отрадно
Отдашься мне, печальная страна...*

Заслышав томно блеющий голос Гуру, зрители ревут от восторга, заглушая кумира.

Щёлк.

— ...Гриша Пердун и группа «Песни плюс», Эльвира Базланова и многие другие. «Конец Света на НТВ». Проведите последние минуты с нами. А пока, для разогрева, ансамбль «Педик Кроль». Не кажется ли вам, любезные, что из-за подобных **в мы и погубили? Впрочем, какая теперь хуй разница! Илюша Залупенко, аплодис...

Щёлк.

— ...ит-парад «Последняя десятка», и с вами в последний раз ваша распроперетраханная Маша Мессалиновская. Проведите оставшиеся часы жизни так, чтобы не было стыдно перед лицом вечности. Лично я собираюсь сегодня трахаться, трахаться и трахаться. И принять смерть с тремя чл...»

Щёлк.

Христос выключил телевизор, оставшись в полной темноте. Отложил пульт. Вздыхнул. Откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза.

Уговор

— Мадам, а позвольте вам впердолить! — задорно раздалось позади.

У девушки было крайне раздражённое настроение — вчера она не смогла оргазмировать, хотя очень хотела, а сегодня у неё внезапно, не по графику началось женское недомогание. Она остановилась, обернулась и внимательно осмотрела озорника. Лет двадцать с небольшим, может быть двадцать пять, ниже среднего роста, щуплый, коротко- и кривоногий, лицо невнятно-смазливое, жидкая тёмно-русовая эспаньолка — совсем не её тип.

— За такое можно и по морде получить, — сказала девушка без выражения.

— Но можно и впердолить! — визгливо расхохотался парень. Голос у него был высокий, неприятный, манерный; вдобавок, ошутимо чувствовался ростовский говорок.

— Знаешь этот анекдот? Молодчица!

— А за какие заслуги я должна позволить тебе впердолить? — поинтересовалась девушка.

Парень смешался:

— Ну...

— Ты некрасивый, коротыш. Голос у тебя неприятный. Может быть, ты умный?

— Не особо...

— Эрудированный, начитанный?

— Не...

— Трахаешься, может быть, как Приап?

— Трахаюсь норм! — оживился парень. — А кто такой

Приап? Порноактёр?

— Забудь. Почему-то у меня большие сомнения по поводу твоих любовных талантов. Интуиция меня редко подводит.

Парень опять стушевался:

— Ну, минут семь выдержу... — его осенила какая-то мысль и лицо его посветлело: — У меня член 20 сантиметров!

Интуиция у девушки и в самом деле была прекрасная — она клитором чувствовала, когда люди лгут.

— Что ж, хороший член, — сказала она рассудительно. — Если ты не врёшь, отсосу...

Парень даже подпрыгнул от радости.

— ...а если врёшь — получишь по морде, — закончила девушка. — Конкретнее, я сломаю тебе челюсть. Идёт?

Парень сник.

— Идёт... — опустил он глаза.

— Ты уверен? Я не шутки шучу, всё будет согласно уговору.

— Ну... может, 19... — промямлил парень.

— А может ещё меньше?

— Нет! 19 точно!

— Хорошо. Если половой член у тебя 19 см и больше — я делаю тебе минет с заглотом, — сказала девушка твёрдо.
— Если меньше 19 — я ломаю тебе челюсть. Всё верно?

Они зашли в туалет в ближайшем «Макдоналдсе». Девушка сняла и повесила на крючок вельветовую куртку и синтетическую толстовку, под которой не было бюстгалтера. Грудь девушки оказалась выше всяких похвал — большая, высокая, упругая и загорелая.

Девушка положила ладонь на ширинку джинсов парня — у него уже полноценно стоял. Она присела на корточки, растегнула ремень, молнию на ширинке и спустила джинсы до колен, вместе с трусами. С первого взгляда ей стало понятно, что член не более 14 см. Девушка посмотрела на парня снизу вверх и необычайно сексуально облизнула покрашенные губы длинным ярко-розовым языком.

— Ну, давай уже, — парень предвкушающе сглотнул слюну.

— Челюсть ломать? — Девушка выпрямилась. Она была выше почти на полторы головы.

— Какую челюсть?! Минет давай!

— У тебя хуй — 14 см с небольшим. Я тебя два раза переспросила. Даже три.

— Чё ты лепишь! 19 у меня!! Соси давай!

— Ты меня совсем за лохушку держишь, гондон?

Она вынула из сумочки связку ключей и отстегнула от неё брелок в виде мини-рулетки; парень изменился в лице.

— Я по-твоему хуй в первый вижу?

Девушка по всем правилам, от основания до кончика головки замеряла член и поднесла полотно рулетки с зажатым пальцем отрезком к лицу парня.

— 14.2, и это с запасом, — сказала она спокойно. — Ты на что надеялся, интересно? Когда четверть себе накиннул?

Парень покраснел и потупил взор, но пенис его непоколебимо торчал.

— Я его не мерил никогда...

— Опять лжёшь? Может, тебе ещё колено сломать? — сказала девушка грозно. — На что ты надеялся, когда соглашался на уговор?

— Что ты не знаешь, какой член двадцатисантиметровый, — пролепетал парень. — Откуда ж я знал, что у тебя рулетка...

— Что ж, будет тебе наука.

Расстояние было идеальным — девушка стремительно нанесла круговой удар локтем в челюсть. Парень рухнул как подкошенный, ударившись головой о стульчак; член его продолжал стоять.

Девушка невозмутимо оделась, взяла сумочку, проверила в зеркале макияж, вышла из туалета и прикрыла за собой дверь.

Лето 2023

Кринж

Эрегированный член Якова был очень длинным, не меньше четверти метра, и очень тонким, и пятидесятирѐхлетнее, трижды рожавшее влагалище Натальи Викторовны не всегда принимало его охотно. Это был совсем не её любимый размер — она всегда предпочитала короткие, не длиннее пятнадцати сантиметров, и толстенькие. Впрочем, за сорокалетнюю половую жизнь Наталья Викторовна испробовала не так уж много членов — 7 или 8 (на двадцатитрѐхлетие она напилась до беспамятства, наутро проснулась в постели с голым мужиком, и оба не помнили, был у них секс или нет). Наталья Викторовна трижды выходила замуж, и от каждого супруга у неё осталось по ребёнку.

Первый брак был явной ошибкой. Второй раз она вышла замуж по большой любви, за богатого, статного, красивого молодого мужчину, сколотившего приличное состояние на оргтехнике в баблорубские девяностые. От второго мужа, убитого вначале 2000х, Наталье Викторовне остался милый сын, роскошная силиконовая грудь четвёртого размера, трёхкомнатная квартира в центре Москвы и дача в Бутово — остальное отсудила сестра покойного. Третье замужество тоже не задалось — супруг, будучи моложе её на десять лет, в неполный сорокет слѐг с инсультом, после чего начисто лишился мужской силы.

В юности, молодости и даже в зрелости Наталья Викторовна была сногсшибательно, пронзительно красива и стройна. После климакса, который наступил в сорок девять лет, в организме что-то разладилось — появился лишний жирок, выросла жопа, кожа пошла прожилками и пигментными пятнами. Она тяжело и редко оргазмировала и до менопаузы, после же — кончать перестала вообще. Слабое, едва тлеющее желание секса ещё теплилось, и она завела молодого любовника. С Яковом они встречались на бутовской даче раз в неделю, обычно в субботу.

Сегодня юноша был в ударе и эякулировал уже три раза. Голый, с полустоячим пенисом он подошёл к огромному, во всю стену, окну. Наталья Викторовна подтёрлась маленьким полотенцем, надела белый сатиновый пеньюар и легла на кровать, накрывшись по грудь пустым пододеяльником. Поставила на живот квадратную стеклянную пепельницу, закурила тонкую ментоловую сигарету и стала наблюдать за своим юным партнёром, голышом красующимся перед окном. Она уже давно и безуспешно пыталась решить для себя, нравится он ей вообще, или нет. Яков был довольно высок, болезненно худощав, с большим количеством родинок на незагорелой коже; светло-русые выющиеся волосы до плеч, которые он редко мыл и причёсывал. На её взгляд, юноша был не очень умён и удручающе неначитан.

— Почему ты так любишь вертеться перед окном голышом? — поинтересовалась Наталья Викторовна, глубоко

затянувшись, запрокинув голову назад и выпустив густую струю дыма в потолок. — Надеешься, что кто-то тебя увидит?

— А что? — отозвался Яков и повернулся к любовнице. Его член совсем расслабился, и головка болталась почти на уровне колена. — Писюн у меня большой, есть чем похвастаться!

— Он у тебя не большой, а длинный, — заметила Наталья Викторовна.

— Какая разница!.. — сказал Яков слегка обиженно.

— Большая.

— Ну, как скажете.

— Слушай, Яков, мы с тобой трахаемся уже почти полгода, а ты мне до сих пор говоришь «вы». Тебе не кажется это странным?

— Кринжово мне вам тыкать, Наталья Викторовна. Вы мне в матери годитесь.

— Кринжово?.. Что это значит?

— Ну, стыдно... неловко.

— Вот как? — она тщательно затушила тонкий окурок в пепельнице и поставила её на тумбочку. — А трахать тётку, годящуюся тебе в матери, тебе не *кринжово*? Что там в матери, я тебе скорее в бабки гожусь.

— Ну, с бабкой перебор. Вы моей мамке ровесница. Вам же 53?

— Да.

— Ну во. А мамке 52 недавно исполнилось, — он опять повернулся к окну, смотрящему на пустую улицу, и вильнул бёдрами, на манер стриптизёра.

— Хм, странно, — протянула Наталья Викторовна. — Я почему-то всегда думала, что твоя мать гораздо младше.

Яков заметил кого-то на улице и снова дрыгнул бёдрами, чтобы член закачался. Тётка прошла мимо, не обратив на голого парня никакого внимания. Яков немного расстроился.

— Я, кстати, вас познакомить хотел, — сказал он.

— Кого «нас»?

— Вас с мамой. Как вы на это смотрите, Наталья Викторовна?

— Это зачем ещё?.. — изумилась та.

— Ну как, вы же моя девушка, почему бы и нет?

— 53летняя девушка, ха-ха! — искренне расхохоталась Наталья Викторовна, отчего её могучие перси затрепыхались. — Развеселил старушку, от души!

— А чо?.. — обиделся Яков.

— У нас с тобой разведельные потрапушки и ничего более. Я намного старше тебя и у меня три ребёнка, если ты забыл, — сказала она. — Вот уж поистине *кринжово* было бы знакомить меня с твоей матерью, которая младше меня. Что это за слово вообще? Новомодный сленг?

— Кринж? Испанский стыд, когда стыдно за кого-то.

— Испанский какой-то... а обычный русский стыд чем тебя не устраивает?

— Хэээ, все сейчас так говорят.

— Ну-ка, дай-ка зауглюю, — Наталья Викторовна взяла с тумбочки смартфон. — Так... «Чувство стыда за чьи-либо действия. То, что вызывает это чувство». Это что же, тебе за меня стыдно?

— Да нет... так говорится просто!

— Как бы там ни было, знакомство с твоей роднёй в мои планы не входит, — вздохнула Наталья Викторовна. — Это совершенно неуместно и даже глупо, Яша... Яков — всё время нашего знакомства хотела спросить — почему у тебя такое странное имя? Ты еврей?

— Почему странное и почему еврей?.. — не понял он.

— Потому что сейчас так редко кого называют и потому что это иудейское имя, — сказала она. — Так ты еврей? Вроде, совсем не похож.

— Хэээ. Вроде нет. Не интересовался как-то.

— Ты не знаешь, кто ты по национальности?!.. — изумилась Наталья Викторовна.

— А что такого?

Женщина медленно, потрясённо покачала головой.

— Если вам интересно, могу у мамы спросить.

— Мне интересно? — усмехнулась Наталья Викторовна.

— Меня удивляет, что тебе это не интересно.

— Ну, спрошу, — нагой Яков лёг на спину рядом с ней и заложил руки за голову. Лобок и подмышки он не брил ни разу в жизни. Впрочем, как и лицо. — Меня мамка однажды

за дробочкой спалила.

— И что?

— И предложила помочь.

— Ты согласился?

— Кто ж от такого отказывается?

— Ты врёшь, наверное? — спросила Наталья Викторовна с сомнением.

— Вру, — хмыкнул Яков.

— Зачем?

— Само как-то получилось, хэзэ,

— А мать у тебя красивая?

— Трудно сказать, она ж моя мама. Раньше вроде ничего была. Так, обыкновенная.

— Я красивее?

— В разы!

— Спасибо... Ещё лет десять тому назад я вообще как фотомодель выглядела. Красивая, стройная... — молвила Наталья Викторовна печально. — Как миг жизнь проходит. Дай сигареты, пожалуйста.

— Вы и сейчас ничего! — Яков передал ей пачку и зажигалку. — И сисяндры у вас зачётные!

— Они искусственные.

— Я знаю. А какая разница? Главное, что красивые.

— Разница есть...

— Кому как, по-моему.

— А я тебе вообще нравлюсь, Яша? — женщина закурила.

— Только честно, я не обижусь.

— Что вы, Наталья Викторовна! Нравитесь, конечно! Я же с вами девственность потерял, и я вам очень благодарен!

— Яков повернул голову, посмотрел на массивные груди под полупрозрачной тканью пеньюара, и его ужик зашевелился.

— Нравятся мне ваши сиськи, Наталья Викторовна, спасу нет!

— Я заметила, — усмехнулась она.

Длинный и тонкий орган стремительно выпрямился.

— Сегодня ты на кураже, Яша, как я погляжу. Четвёртая палка наизготове, — сказала женщина. — Дай пепельницу.

Юноша поставил пепельницу на кровать, перевернулся на бок и ладонью левой руки охватил великолепную грудь немолодой подруги.

— Яш, я больше не хочу сегодня, — сказала она. — Извини, вообще охоты нет.

— Эх, жаль! Я что-то в настроении сегодня!

— Извини. Не совпали мы сегодня в азарте, — Наталья Викторовна сделала глубокую затяжку и ввинтила тонкий окурок в пепельницу. — Вообще знаешь, Яков, наверное, мы видимся в последний раз.

— Это почему?.. — расстроился он.

— Кроме секса нас ничего не связывает. Тридцать пять лет разницы, это не шутки. А секс меня окончательно перестал волновать, сейчас я чётко это осознала. Я не получаю ни малейшего удовольствия.

— Уж ни малейшего?..

— Именно так, Яша. К сожалению.

— Печалька.

— Не такая уж и печалька. Я и в молодости не ахти какая охотница до этого дела была. Так что в моём возрасте это нормально и закономерно.

Длинный юношеский кий не расслаблялся.

— Наталья Викторовна, а может, напоследок всё-таки?..

— с робкой надеждой осведомился Яков. — Последний разочек?

Женщина тяжело и печально вздохнула.

— Ну хорошо. Давай лубрикант.

Наталья Викторовна откинула пододеяльник, задрала до пояса пеньюар и обильно смазала апатичное влагалище...

* * *

Яков, грустный и непричёсанный, уехал через час. Вечером Наталья Викторовна выпила две бутылки недорогого крымского сухого вина и осталась ночевать на даче.

Февраль 2023.

Big dick

Всеядное чрево автобуса набито битком. Пассажиры, словно шпроты в банке, с трудом могли пошевелиться. Пробраться к выходу из середины автобуса казалось почти невозможным.

— Мужчина, прекратите немедленно! — вдруг громко раздался молодой женский голос. — Прекратите, я вам говорю!

— Да что он делает? — произнёс кто-то рядом.

— Он ко мне прижался и у него стояк!

Прозвучало несколько смешков.

— Расслабьтесь и попробуйте получить удовольствие!

— Да у него хуй, как у слона!

Хохот.

— Девушка, следите за языком! — протрещал старушечий голос. — Здесь дети!

— Так чем ты недовольна? Пользуйся, ёпта! — иронически пробасил низкий прокуренный мужской голос с другого конца автобуса.

— Мужчина, хватит, я вам говорю!!

— Да что вы пристали ко мне?!

— Я пристала?! Это ваш хуй мне в жопу упирается!

Смех.

— Меня прижало к вашей жопе, что я поделаю?! Неволь-

ная эрекция! Я даже пошевелиться не могу!

Автобус встрял в пробку. Серж побагровел как переваренная свёкла. Он был в отчаянии.

— Это ваши проблемы!

— Нет, блять, это ваши проблемы! — вдруг разозлился Серж. — Не надо было ко мне жопой пристраиваться!

— Вы совсем охуели?! — возмутилась девица. — Мне вот сейчас делать нечего, кроме как к вашему слоновьему хую пристраиваться!

— Молодёжь, кончай лаяться!

— Бабка, отъебись, ради Христа! — грубо воскликнула девушка.

— Халда! Сука бесстыжая! — возопила старушка.

Автобус двинулся. Когда двери раскрылись, Серж беспардонно ломанулся на выход, хотя ехать ему нужно было ещё три остановки.

— Ого, и правда слоновий! — пожалуй что восхищённо воскликнул мужик, которого случайно зацепил Серж.

В первый раз с ним случился такой казус в общественном транспорте. На людях он вообще практически никогда не возбуждался, слава богу — лишь единожды такое произошло на свидании, но та девушка уже знала о его габаритах, а от прохожих бугор удалось скрыть.

С половыми компаньоншами у Сержа имелись серьёзные проблемы. Будучи по характеру робким, стеснительным и необщительным, для него являлось затруднительным про-

сто познакомиться с девушкой; когда же доходило до интимной близости... потенциальные партнёрши банально пугались его размеров, и из шести попыток сексуальным контактом окончилось лишь две.

В последнее время Серж стал знакомиться через ВК: перво-наперво сообщал кандидатке размер своего полового органа (36.6 см длина, 5.6 диаметр) и по мере необходимости прикреплял фото (расслабленного и эрегированного). Одна барышня не поверила, что это его член, и потребовала фото с лицом и газетой, где была бы видна дата. Серж сделал селфи с «Московским комсомольцем» (пришлось прогуляться до киоска), но всё равно получил отказ.

Единственной его постоянной половой подругой была неухоженная, нечистоплотная тётка под полтос. Она жила в Чертаново и звали её Лизой. Обладательница бездонной, вхлам раздолбанной волосатой манды, обвисших ушами спаниэля сисек и неделями небритых ног и подмышек (усы ей тоже побрить не мешало бы). Лиза имела низкий, громкий, прокуренный и пропитой, каркающий, крайне неприятный голос. Смех же её был поистине сатанинским, и от этого грохочущего гогота Сержу каждый раз становилось не по себе. Помимо этого Лиза была туповата и алкоголичка.

В их первую встречу она сразу же сообщила Сержу, что с мужчинами не кончает и испытать оргазм может только с душем.

— Отвинчиваю лейку душа и струёй массирую клитор, —

ответила Лиза на немой вопрос Сержа. — Только так и кончаю.

В комнате Серж снял просторные брюки (все штаны он покупал максимального размера, в онлайн-магазине для толстяков) и трусы (XXXXXL).

— Вот это ХУЙ!.. — своим громким гнусным паскудным сипатым голосом восхитилась поддатая Лиза и тоже разделась, обнажив спаниэльевы титьки и жёсткую, ни разу в жизни не бритую лохматку.

И хоть Лиза уже давно была совершенно неебабельна, Сержин фаллос отреагировал согласно природе, за какие-то секунды из висящего удава трансформировавшись в торчащий баклажан.

— Да это не хуй! Это ХУИЩЕ!!

И тут Серж содрогнулся, впервые услышав раскатистый дьявольский апокалиптический смех.

Несмотря на бездонность заросшей пещеры (как тут не вспомнить Платона!) могучий лингам вошёл меньше чем наполовину. Акт продлился минуты четыре, став первым полноценным сексуальным контактом Сержа.

Он приезжал к Лизе раз или два в неделю и они несколько минут сношались под аккомпанемент губинской «Лизы» (перед соитием она всенепременно включала на ноутбуке эту песню на непрерывном воспроизведении), а потом пили баклажечное «Жигулёвское», и Серж стоически выслушивал бурно пенящиеся потоки несусветной хуйни, извергаемой

полупьяной или совершенно бухой вонючей волосатой тёткой.

Побудь со мной еще немного, Лиза,

Как жаль, что расставанья час уже так близок...

Час расставанья и действительно наступил быстро: Лизу скоропостижно накрыл климакс, бессмысленный и беспощадный, и она перестала общаться даже с душем. Серж первое время скучал по каркающему голосу и шерстистой лоханке, но потом смирился.

Помимо секса гипертрофированный пенис причинял Сержу и массу других неудобств, типа бытовых. Чего стоило одно то, что ему между ног приходилось повсюду таскать лишние полтора килограмма (1119 гр. член, 433 гр. тестикулы, взвесил на кухонных весах)!

В кого он пошёл такими габаритами, оставалось загадкой. Отец Сержа имел стандартный, 16сантиметровый; у деда, по его утверждению — примерно такой же. Мать говорила, что у её отца, которого она пару раз видела голым, и вовсе был крохотный; про своего деда она ничего не знала.

Прикрываясь рюкзаком, Серж отбежал от остановки и сел на газон, обхватив колени руками.

Блять! Блять!! Блять!!!

Приап, обтянутый эластичной тканью бриджей, долго не расслаблялся. Хорошо, что жарко, и он не надел трусы и джинсы — тогда неизвестно, чтобы ещё приключилось, член вполне мог покалечиться.

Серж направлялся на свидание: девушка из ВКонтакте позвала его к себе домой. Он открыл на смартфоне навигатор и побрёл по указанному маршруту. Вскоре залагал инэт. Серж заплутал и чудом нашёл нужную улицу и дом.

Дверь открыла высокая дама средних лет в белом банном халате.

— Простите, — сказал Серж. — Я, видимо, ошибся квартирой.

— Нет, нет! Вы же к Маше?

— Да.

— Проходите. Я её мама.

Ну и ну, подумал Серж. Весёленькое обещает быть свиданье! Но это был не последний сюрприз — в комнате оказалось две девушки.

— Салют! — сказала одна. — Я Маша!

— А я Саша! — сказала другая. — Её подруга. Привет!

— Здравствуйте... — юноша слегка сконфузился. — Серж...

— Серж — это Сергей? — уточнила Саша.

— Разумеется, — сказал Серж и зачем-то добавил: — А Саша — это Александра?

— Разумеется, — хихикнула Саша.

Обе барышни были невзрачны и не накрашены. Маша оказалась гораздо хуже, чем выглядела на фотографии.

— Может быть, я что-то не так понял, — обратился к ней Серж. — Но у нас вроде как свидание, разве нет?

— Типа того.

— А что тогда здесь делает... *Саша*? Вы планируете секс-втроём? Или как?

Саша захихикала.

— Или как. Я секс вообще не планировала, — сказала Маша. — Ни втроём, ни вдесятером. Ни вдвоём.

Серж плохо понимал, что происходит.

— Я вообще-то на твой писюн посмотреть пришла, — сказала Саша.

Ситуация начинала вырисовываться; Серж покраснел — отчасти от злости, отчасти от неловкости, отчасти от рухнувших надежд на половое общение.

— Это вообще нормально, по-вашему? — проговорил он сердито. — Я вообще-то трахаться сюда приехал!

Саша опять захихикала — видимо, она была очень смешливой.

— Я тебе ничего не обещала, — заметила Маша. — Ты написал, давай встретимся, я написала, давай. Так что давай, показывай своего богатыря.

Серж покраснел сильнее:

— Я вам клоун в цирке? Экспонат в анатомическом музее? Или стриптизёр?

— Тебе жалко, что ли? — обиженно произнесла Маша.

— Покажи, покажи! — заканючила Саша.

— Дадите если, покажу! — выпалил Серж и покраснел пуще прежнего.

— Покажи сначала, а там посмотрим, — сказала Маша.

— Ты фоты видела!

— Фотки не то. Надо вживую.

Серж подумал, что хуже уже не будет, и спустил бриджи ниже колен, а потом снял их и вовсе, оставшись в футболке и носках.

— Вау!.. — в один голос проговорили девушки.

Насчёт того, что хуже не будет, Серж ошибся, потому что дверь без стука открылась и в комнату вошла Машина мама.

— Ва-а-ау! — вторила она девкам.

Багровый Серж не знал, куда деваться от стыда.

— По-моему, вы совсем засмутили парня, — заметила мать. — Смотрите, он красный, как рак!

— Это он нас застыдил, — нагло сказала дочь. — Разделся, секса домогается.

— Это ложь!! — в отчаянии выкрикнул Серж, обращаясь к родительнице. — Они сами попросили меня раздеться!

Стоять голым среди трёх одетых незнакомых баб — верх неловкости, неприличия и идиотизма! Серж проклинал всё на свете. Вдобавок, его орган непостижимым образом начал возбуждаться. У Сержа даже слёзы выступили на глазах.

— Дайте мне халат! — надсадно воскликнул он. — Или ещё что-нибудь!!

— Смотрите, у него встаёт! — хихикнула Саша, захлопав в ладоши и доставая смартфон. — Можно с ним селфку сделать?

— Уйди на хуй! Убери телефон!!

Мать Маши решительно взяла его за руку и отвела в другую комнату. Закрыла дверь на щеколду, достала из шкафа халат — такой же, как на ней, только красный, и протянула его Сержу.

— Выпить хочешь? — спросила она.

— Да! — он поспешно запахнулся в халат.

Машина мама открыла бар в мебельной стенке, налила треть низкого барного бокала виски для гостя, и полбокала «Бейлиса» себе.

— Я Наталья. Наташа.

— Серж.

Он выпил одним духом, она сделала небольшой глоточек ликёра.

— Так что у вас там с девками вышло? — спросила Наталья.

— Я приехал к вашей дочери как бы на свидание. А с ней эта хихикающая Саша. Они попросили меня раздеться, и я сдуру согласился. Вот и всё.

— Да, Сашка девка придурковатая, — задумчиво протянула Наталья и сделала глоток побольше. — Потрахаться надеялся?

— Не без того...

— Машка тоже дурная. И девственница, насколько я знаю, — сказала Наталья. — А со мной не хочешь попробовать?

— Попробовать с вами *что?*.. — Серж опять начал краснеть.

— Можешь мне «ты» говорить, — она хлебнула ещё «Бейлиса». — Со мной потрахаться не хочешь?

Серж искоса взглянул на женщину. Какая, однако, раскрепощённая маман! Мать, на его вкус, была куда пригляднее дочери. Молодая ещё дамочка, и вообще хорошо сохранилась — видимо, тщательно следит за собой.

— Что, вот так просто? — неуверенно спросил Серж.

— Я не девочка уже, зачем усложнять? У меня никогда в жизни не было члена, даже близкого к твоему. Мне интересно попробовать. К тому же ты вполне симпатичный парень.

— Да я не против, конечно... но как-то неловко...

Наталья поставила бокал и скинула халат, под которым ничего не оказалось. Фигурка превосходная. Гигант сразу же отозвался, приподняв *полу* халата. Несмотря на обилие лубриканта, лингам входил очень туго и с большим трудом; Наталья испугалась.

— Извини, Серёжа, не получается, — сказала она, запахивая халат. — Очень больно. И боюсь покалечиться. Прости.

Чтобы не рисковать, обратно Серж поехал на яндекс-такси.

Перекусив двумя бутербродами с чаем, включил компьютер. Поставив подборку попсы 90-х, ввёл в строку поиска «уменьшение пениса» — он давно собирался это сделать, но как-то не хватало духа. Как Серж и предполагал, это оказа-

лась очень дорогостоящая операция, даже дороже, чем увеличение — таких денег в ближайшие годы ему не собрать.

Зазвучали первые нотки губинского хита, и у него по старой памяти сразу же встал. Серж с унынием посмотрел на свой невозможный фаллос, головка которого провоцирующе покачивалась на уровне его подбородка. Мастурбировать Сержу было неудобно — он мог охватить член пальцами меньше чем наполовину, а дрочить сразу двумя руками выходило совсем уж не в кайф. Неизбынно тяжело вздохнув, Серж чуть пригнул вперёд голову и попробовал взять залупу в рот, но та не влезла; салазки подозрительно громко хрустнули. Ну да, в завершение этого мудацкого дня осталось только челюсть сломать!

Серж высунул язык — на войне, ёб твою, как на войне! — и лизнул головку. А что, неплохо!.. Лизнул ещё раз, ещё и ещё. Эякулировал неожиданно, и густая струя мощно выплеснулась за левое плечо — он едва успел отклонить голову в сторону.

Лиза, где же ответ?

Счастье — было и нет...

С облегченьцем, блять!..

Молодость

*Заиграю, заиграю сама да заплачу,
Свою прежнюю молодость а я вспоминаю...*

Из колонок CD-проигрывателя щемяще-тоскливо льётся заунывный старушечий голос в современной аранжировке, и Анна Ильинична Ивлева делает звук погромче. Она покачивается в такт мелодии, смежив веки. Хмель медленно и блаженно начинает накрывать её сознание. Ей хорошо. И песня хорошая — печальная, но душевная. Берedit душу — по-хорошему берedit.

*Вспоминаю, как ушла молодость — она не сказала,
Не сказала, а пришла же старость — она да не спросила...*

Ах, молодость, молодость — самое ценное, что есть в жизни! Единственное, что есть в ней ценного. Мудрость, знания, опыт — говно всё это, никому не нужное! Здоровье, свежесть восприятия, чудеса первых открытий, наслаждение от плотских утех — а потом... потом убогое прозябание в ожидании смерти.

Жизнь Анна Ильинична прожила насыщенную и бурную. Пока была возможность, горела как комета. Пять раз замужем, любовникам счёт потеряла. Любила она мужиков, ох как любила!.. А сейчас ей 81 год.

Заиграю, заиграю сама да заплачу, а вспоминаю,

Вспоминаю, как ушла молодость — она молодая....

Ивлева смотрит на полупустую бутылку водки — теперь только это удовольствие и осталось. Наполняет стопку до краёв. Откручивает трек назад и включает ту же песню. Ну, за молодость! Выдыхает в сторону и осушает рюмку. Закусывает кружочком малосольного огурца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.